

ТАМ, ГДЕ КУКЛЫ ПЛАЧУТ КРОВЬЮ

ЭССЕЛТА СИНС

Эсселта Синс

Там, где куклы плачут кровью

«Автор»

2026

Синс Э.

Там, где куклы плачут кровью / Э. Синс — «Автор», 2026

Однажды тихая и спокойная жизнь десятилетней Мирабель рушится, превращаясь в настоящий кошмар. Едва заметные тревожные знаки постепенно перерастают в нечто невообразимое: её родители начинают превращаться в жутких монстров, а по стенам и потолку расползаются странные, пугающие создания. Не в силах оставаться в доме, который стал для неё чужим, девочка, крепко прижимая к груди свою любимую куклу Плюшу, решается на отчаянный шаг. Она проходит через загадочную дверь, недавно появившуюся в комнате родителей, и оказывается в неизведанном мире. За её порогом шёпот и голоса звучат ещё громче и отчётливее, словно сами стены наблюдают за каждым её движением. Отправившись в опасное путешествие, Мирабель надеется найти своих родителей и вернуть ту спокойную жизнь, которую у неё безжалостно отняли.

© Синс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. За дверью	11
Глава 2. Город забытых игрушек	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эсселта Синс

Там, где куклы плачут кровью

Пролог

13 сентября

Сегодня произошло что-то очень странное.

Утром я проснулась раньше мамы. За окном было пасмурно, но дождя не было. Мне показалось, что весь мир стал каким-то тихим. Даже птицы почти не пели. Я сразу потянулась к Плюше. Но её не оказалось на подушке.

Я всегда кладу её рядом перед сном. Всегда. Даже когда очень устала. Поэтому сначала подумала, что она просто упала на пол.

Я заглянула под кровать. Потом за тумбочку. Под стол. Её нигде не было. Мне стало страшно.

Я позвала маму. Она сначала улыбнулась и сказала, что куклы сами не убегают, а потом тоже начала искать.

Мы перевернули всю комнату. Мама даже посмотрела в шкаф между моими платьями, хотя это было глупо. Потом мы проверили кухню, гостиную и прихожую.

Плюши нигде не было.

Я уже почти плакала.

Тогда мама решила посмотреть корзину с грязным бельём. Плюша лежала на самом дне. Она была совершенно чистой. На её платице не было ни одного мокрого пятнышка, хотя сверху лежали папины рабочие джинсы.

— Наверное, случайно упала, — сказала мама.

Но я знаю, что не могла положить её туда.

Когда вечером я ложилась спать, мне показалось, что Плюша стала тяжелее. Совсем чуть-чуть. Наверное, я просто выросла.

16 сентября

Сегодня мы с бабушкой ходили гулять в парк. Сначала всё было как обычно. Потом я подняла голову и заметила, что деревья стали намного выше. Настолько высокими, что их верхушки почти исчезали в облаках. А листья... Они были розовыми. Не красными. Именно розовыми. Будто кто-то раскрасил их акварелью.

— Бабушка, смотри!

Она посмотрела вверх и улыбнулась.

— Красивые зелёные листья, правда?

Я ничего не ответила.

Может быть, она шутила? Но лицо у неё было совершенно серьёзным.

Потом к нам подбежал Джек. Он живёт через два дома от нас. Обычно он сразу начинает вилять хвостом и тыкаться носом мне в ладонь. Сегодня он остановился в нескольких шагах. Шерсть на его загривке поднялась дыбом. Он долго смотрел прямо на меня. Потом тихо зарычал. Не громко. Испуганно. Будто предупреждал кого-то.

Я присела, чтобы погладить его.

Но Джек вдруг заскулил, развернулся и убежал. Бабушка сказала, что у собак тоже бывает плохое настроение. Но почему тогда он всё время смотрел не на меня... А будто за мою спину?

Вечером я долго стояла перед зеркалом. Несколько раз обернулась. За мной никого не было.

19 сентября

Сегодня миссис Брук пришла в красивом синем платье. Я сказала, что ей очень идёт этот цвет, но серое платье с ромбиками мне нравилось больше. Она нахмурилась.

— Мирабель, у меня никогда не было серого платья.

Весь класс засмеялся. Я хотела сказать, что помню его очень хорошо. Даже маленькие треугольники на воротнике. Но промолчала. Наверное, взрослые иногда забывают свои вещи.

После письма произошло ещё кое-что. Я взяла красный карандаш. Он вдруг стал мягким. Я попробовала провести линию. Вместо этого карандаш согнулся почти пополам, словно был сделан из пластилина. Я испугалась и выронила его. Он ударился о пол. И снова стал обычным. Я подняла его. Он был твёрдый.

Учительница сказала, что я слишком много мечтаю. Но я точно знаю, что видела.

Когда я вернулась домой, долго рисовала Плюшу. Только почему-то каждый раз у неё получались совсем другие глаза. Большие. Чёрные. И будто смотрящие не на меня... А куда-то за мою спину.

Перед сном мне показалось, что из коридора кто-то тихо прошептал моё имя. Я открыла дверь. Там никого не было. Только темнота. И почему-то мне совсем не хотелось закрывать дверь обратно.

22 сентября

Я не хотела возвращаться домой. Не потому, что меня кто-то обидел. Просто мне казалось, что дома меня ждёт что-то плохое.

После школы я специально шла медленно. Считала трещины на тротуаре. Рассматривала облака. Делала вид, что завязываю шнурки, хотя они и так были завязаны.

На улице было очень тихо. Слишком. Обычно рядом с нашим домом ездят машины. Где-то лают собаки. Дети играют во дворах. Сегодня ничего этого не было. Только ветер. Он шелестел розовыми листьями. Я всё ещё видела их розовыми. Хотя все вокруг продолжали говорить, что они зелёные.

Возле своего дома я увидела мистера Смита. Он стоял на коленях и копал землю маленькой лопатой. Я улыбнулась и помахала ему рукой.

— Здравствуйте!

Он не ответил. Даже головы не поднял. Я уже хотела пройти мимо, но вдруг заметила его руки. Они были очень длинными. Не просто худыми. Словно в них стало больше костей, чем должно быть. Пальцы сгибались как-то странно. Не так, как сгибаются человеческие пальцы. Мне стало не по себе.

Я моргнула. И всё стало обычным. Мистер Смит копал землю, как всегда.

Только почему тогда у меня так сильно дрожали руки?

23 сентября

Сегодня я почти не спала. Всю ночь мне казалось, что кто-то ходит возле моего окна. Шагов слышно не было. Только ощущение. Будто кто-то стоит снаружи и смотрит. Я несколько раз выглядывала. Во дворе никого. Только качели медленно раскачивались сами по себе. Ветра почти не было.

Утром я снова посмотрела на участок мистера Смита. Его нигде не оказалось. Но земля, которую он вчера копал, стала ещё темнее. Будто её совсем недавно перевернули. Я подумала, что там могли закопать собаку. И сразу расплакалась. Не знаю почему. Просто стало очень жалко того, кого я даже не знала.

24 сентября

Сегодня дома было холодно. Хотя батареи были горячими. Воздух казался густым. Будто им стало труднее дышать.

После ужина мама предложила почитать сказку. Раньше я очень любила такие вечера. Я ложилась рядом, а мама читала разными голосами. Сегодня всё было иначе. Она открыла книгу. Начала читать. Правильно. Но совершенно без чувств. Будто каждое слово было одинаковым.

Я посмотрела на страницы. Они были ослепительно белыми. Настолько белыми, что на них становилось больно смотреть. А буквы... Они казались слишком чёрными. Будто кто-то вырезал их прямо в бумаге. Я отвела взгляд. И тогда увидела тень от люстры. Она двигалась. Очень медленно. Сначала мне показалось, что качается лампа. Но люстра висела неподвижно. Двигалась только тень. Она медленно поползла по потолку. Потом остановилась прямо надо мной. И словно...смотрела.

Я вскрикнула. Мама подняла голову.

— Что случилось?

Её голос прозвучал спокойно. Слишком спокойно. Я снова посмотрела вверх. Тень была обычной. Наверное.

25 сентября

Сегодня мама почти весь день сидела возле окна. Она даже не включила телевизор. Не читала книгу. Не разговаривала по телефону. Просто смотрела на улицу. Я несколько раз спрашивала, что она делает.

Она молчала. Только спустя несколько минут медленно повернула голову. Я испугалась. Её глаза были такими тёмными, что я почти не видела зрачков. И она очень долго не моргала. Наверное... Минуту. Или даже больше. Мне стало страшно. Я убежала к себе.

Вечером мама позвала ужинать. На столе стояла красная каша. Я никогда раньше такой не видела. Она пахла мокрой травой после дождя.

— Ешь, — сказала мама.

Я осторожно потрогала ложкой. Каша медленно потянулась за ложкой длинной красной ниткой. Мне стало противно.

— Я не хочу...

Мама посмотрела на меня. Без злости. Без обиды. Совсем без ничего.

Она медленно подошла. Её пальцы сжали мою руку. Они были очень холодными.

— Тогда ложись спать голодной.

Она сказала это так спокойно, будто говорила о погоде. Мне почему-то захотелось заплакать. Но слёз не было.

Ночью я долго обнимала Плюшу. И мне показалось...что её маленькая тканевая ладошка на секунду крепче прижалась к моей.

26 сентября

Сегодня я решила поговорить с папой. Мне казалось, что если мама заболела, то он обязательно всё объяснит. Папа всегда находил ответы. Даже когда я спрашивала, почему идёт дождь или откуда берётся гром.

Он вернулся поздно вечером. Я сидела в гостиной и делала вид, что читаю книгу, хотя уже давно не понимала ни слова.

В замке повернулся ключ. Дверь открылась.

— Привет, солнышко.

Это был папин голос. Но... не совсем. Слова были его. А звук — нет. Будто кто-то очень старался говорить как папа, но никогда раньше не слышал человеческой речи.

Я подняла голову. Сначала всё выглядело нормально. Потом он вошёл под свет люстры. Я перестала дышать. Его кожа стала очень бледной. Не белой. Серой. Как старая бумага. Под глазами появились глубокие тёмные круги, а губы стали почти бесцветными. Он улыбнулся. Улыбка была папина. Но почему-то казалась чужой.

— Как прошёл день?

Я долго молчала. Потом тихо спросила:

— Пап... с мамой всё хорошо?

Он смотрел на меня несколько секунд. Не моргая.

— Конечно.

Голос снова прозвучал так, будто слова шелестели где-то глубоко внутри его горла. Мне захотелось закрыть уши.

Он подошёл ближе. Очень плавно. Слишком плавно. Люди так не ходят. Казалось, его ноги вообще не касаются пола. Папа протянул руку, чтобы погладить меня по голове. Я вздрогнула. Пальцы были длиннее, чем раньше. Совсем немного. Но я это заметила. Они коснулись моих волос. Холодные. Ледяные.

Я невольно отступила. Папа замер. Потом медленно опустил руку и пошёл на кухню. Будто ничего не произошло. А я ещё долго стояла в гостиной. Мне казалось, что человек, который только что вошёл домой...не мой папа.

27 сентября

Я больше не могу спать одна. Ночью меня разбудил странный звук. Сначала показалось, будто дождь стучит по крыше. Но дождя не было. Звук повторился. Тихий. Медленный.

Ш-ш-ш... Ш-ш-ш... Он доносился из стены.

Я села на кровати. В комнате было темно. Только полоска света из коридора лежала на полу.

Шорох повторился. Теперь уже над моей головой. Что-то медленно ползло по стене. Я слышала, как маленькие коготки цепляются за обои. Скрип... Шорох... Скрип...

Я накрылась одеялом вместе с Плюшей. Старалась не дышать.

Звук остановился. Прямо над моей кроватью. Прошла, наверное, целая минута. И вдруг... что-то очень медленно поскребло потолок. Я закричала.

В комнате сразу стало тихо. Через несколько секунд открылась дверь. Вошла мама. Она не включила свет. Просто стояла в темноте.

— Что случилось?

— Здесь кто-то ползал...

Она долго смотрела на потолок. Потом перевела взгляд на меня.

— Здесь никого нет.

Её голос снова был совершенно пустым. Я посмотрела вверх.

Потолок был чистым. Никаких следов. Но мне всё равно казалось, что оттуда кто-то наблюдает.

Этой ночью я убежала в гостиную. Завернулась в плед и уснула на диване. Перед тем как закрыть глаза, я заметила, что Плюша смотрит не на меня. А в сторону коридора.

28 сентября

Дом стал другим. Я проснулась и сразу поняла это. Не потому, что что-то изменилось. Я просто почувствовала. Воздух стал тяжёлым. Каждый шаг отдавался странным эхом.

Я пошла на кухню. Коридор оказался длиннее, чем вчера. Мне пришлось сделать гораздо больше шагов. Хотя дом не мог измениться за одну ночь.

Я остановилась. Закрывает глаза. Сосчитала до десяти. Потом снова открыла. Коридор стал обычным. Или мне показалось?

После завтрака я заметила цветок на подоконнике. Он медленно качался. Окна были закрыты. Ветра не было.

Я подошла ближе. Листья слегка повернулись ко мне. Будто цветок увидел меня. Я попятилась.

Вечером стало ещё страшнее. Я долго не могла уснуть. Около полуночи что-то зашевелилось над кроватью. Очень медленно. Я открыла глаза. По потолку ползло огромное чёрное существо. Оно напоминало паука. Но вместо лап у него были человеческие руки. Тонкие. Неестественно длинные. Пальцы медленно цеплялись за потолок. Оно двигалось совершенно бесшумно. Только иногда слышался тихий влажный шелчок.

Существо остановилось прямо надо мной. Я перестала дышать. Одна его рука медленно опустилась вниз. Почти коснулась моего лица... Но вдруг где-то в доме раздался громкий стук. Существо резко повернуло голову. Если это можно было назвать головой. Потом быстро поползло прочь. Через несколько секунд оно исчезло за дверью.

Я лежала неподвижно до самого рассвета. Когда солнце осветило комнату, всё выглядело обычным. Только на потолке остались длинные тёмные полосы. Будто кто-то провёл по нему мокрыми человеческими пальцами.

2 октября

Я больше не узнаю папу. Раньше он всегда приходил домой уставший. Снимал куртку, улыбался мне и спрашивал, как прошёл день. Иногда приносил шоколадку или булочку с корицей.

Сегодня он тоже вернулся вечером. Но шоколадки не было. И улыбки тоже. Он долго стоял в прихожей, не снимая пальто. Будто забыл, что нужно делать дальше. Потом очень медленно повернул голову в мою сторону. Мне показалось, что шея повернулась слишком сильно. Так люди не могут.

— Пап?... — тихо позвала я.

Он посмотрел на меня. И ответил. Но вместо слов я услышала странный шелест. Будто кто-то пересыпал сухой песок. Сначала тихо. Потом громче. Лишь через несколько секунд я смогла разобрать:

— Ми...ра...бель...

Он произнёс моё имя так, словно учился говорить заново.

Я подошла ближе. Хотела убедиться, что мне всё это кажется. Папа протянул ко мне руку. Я заметила, что ногти стали почти чёрными. Пальцы были длиннее, чем несколько дней назад. Их суставы будто сгибались не в ту сторону. Я отшатнулась. Папа замер. На его лице не появилось ни удивления, ни обиды. Только пустота. Он опустил руку и медленно ушёл на кухню.

Я слышала, как мама что-то говорит ему. Но её слова звучали так же странно. Словно они разговаривали на языке, которого не существовало.

В ту ночь я спряталась в шкафу. Там пахло одеждой мамы и папы. Запах был знакомым. Наверное, поэтому мне стало немного спокойнее. Я сидела, крепко прижимая к себе Плюшу.

За дверцей шкафа слышались шаги. Медленные. Тяжёлые. Они несколько раз остановились прямо возле меня.

Я задержала дыхание. Ручка шкафа медленно опустилась вниз. Но дверь почему-то не открылась.

Через несколько секунд шаги удалились. Я просидела внутри до самого утра.

3 октября

Сегодня я впервые услышала голоса. Сначала подумала, что это телевизор. Но телевизор был выключен.

Потом решила, что соседи. Но голоса доносились сразу со всех сторон. Из пола. Из стен. Из потолка. Даже из старого шкафа. Они были очень тихими. Будто много людей разговаривали шёпотом. Я не понимала ни одного слова. Иногда мне казалось, что они зовут меня по имени. Потом слышались обрывки знакомых песен. Тех самых, которые мама напевала, пока готовила завтрак.

Я побежала на кухню.

— Мам, ты слышишь?

Она медленно повернулась.

— Что именно?

— Голоса...

Она несколько секунд молчала. Потом улыбнулась. Очень медленно.

— Здесь никого нет.

Я больше ничего не сказала. Но голоса продолжали шептать. Теперь мне казалось, что они стали ближе. Они словно прятались внутри стен. Иногда я различала одно и то же слово.

«Иди...»

Снова. И снова. И снова.

Вечером я закрыла уши ладонями. Но шёпот не исчез. Он звучал уже не снаружи. А внутри моей головы.

4 октября

Сегодня произошло самое страшное. В спальне родителей появилась дверь. Я точно знаю, что раньше её не было. Стена была пустой. Всегда. Теперь в ней находилась маленькая деревянная дверь. Старая. Почти чёрная. Будто ей было много сотен лет. На ручке висела ржавчина.

Я долго стояла перед ней. Не решаясь прикоснуться. Из-за двери доносился холод. Настоящий холод. Не такой, как зимой. Он будто проходил прямо сквозь кожу. А потом... Я услышала голос. Очень тихий.

— ...Мирабель...

Это была мама. Я узнала её. Настоящую. Ту, которая читала мне сказки. Которая смеялась. Которая крепко обнимала меня перед сном. У меня задрожали руки.

— Мам?..

Ответа не было. Только шёпот. Теперь к нему присоединился ещё один голос. Папин. Я заплакала. Если мама и папа были там... Тогда кто жил со мной все эти дни? Я протянула руку. Коснулась дверной ручки. Она оказалась ледяной. Настолько холодной, что пальцы сразу онемели. Но я всё равно не отпустила её. Я знала... За этой дверью меня кто-то ждёт.

Глава 1. За дверью

Дверь появилась ночью. Мирабель была уверена, что ещё вчера её не было.

Она знала это наверняка, потому что именно на этом месте всегда стоял старый комод. Небольшой, деревянный, с тремя выдвижными ящиками, в которых мама хранила постельное бельё, а в самом нижнем — разные вещи, которые никто не использовал годами. Мирабель иногда забиралась туда во время игры в прятки, хотя мама каждый раз говорила, что однажды она застрянет и придётся вызывать папу.

Теперь комода не было. Вместо него в стене стояла дверь. Маленькая, узкая, почти детская.

Она выглядела так, будто её вырезали из стены вместе с частью другого дома и вставили сюда. Тёмное дерево было покрыто царапинами, а местами — чем-то похожим на старую плесень. Краска облупилась по краям, обнажая серую поверхность под ней. На двери не было ни замка, ни глазка. Только круглая латунная ручка, покрытая зелёными пятнами.

Мирабель стояла перед ней уже несколько минут и не решалась подойти ближе.

В комнате было темно. Лишь слабый свет из окна ложился на ковёр длинным прямоугольником. За стеклом шёл дождь, но его почти не было слышно. Капли стекали по окну медленно, оставляя тонкие дорожки, похожие на пальцы.

Мирабель держала Плюшу обеими руками.

Кукла была старой, мягкой и немного потрёпанной. Рыжие волосы из шерстяных ниток давно спутались, а на левом рукаве платья распустились несколько швов. На правой щеке осталось маленькое коричневое пятнышко, которое не удалось вывести даже после того, как мама три раза стирала куклу.

Когда-то мама предложила выбросить Плюшу. Мирабель тогда так сильно расплакалась, что мама больше никогда не поднимала эту тему. Теперь девочка была особенно рада, что Плюша осталась с ней. Она прижала куклу к груди и посмотрела на дверь. Из-за неё доносился шёпот. Сначала Мирабель решила, что ей показалось.

После нескольких дней странных звуков в доме она уже не доверяла собственным ушам. Ей всё время казалось, что стены разговаривают, потолок дышит, а тени двигаются, когда она на них не смотрит.

Но этот звук был настоящим. Кто-то шептал за дверью. Очень тихо. Мирабель подошла ближе.

— Кто там?

Шёпот оборвался. Она подождала. Ничего.

Девочка сделала ещё один шаг и приложила ухо к дереву. Сначала она услышала только собственное дыхание. Потом — лёгкое царапанье. Кто-то медленно провёл чем-то острым по другую сторону двери. Снизу вверх. Потом обратно. Снова.

Мирабель отпрянула.

— Кто там?

На этот раз ей ответили.

— Мирабель...

Девочка замерла. Она узнала голос. Это была мама.

— Мам?

Мирабель осторожно приблизилась к двери.

— Мам, это ты?

— Мирабель...

Голос звучал приглушённо, словно доносился из очень далёкой комнаты.

— Открой.

Девочка положила ладонь на дверь. Дерево было холодным. Не просто холодным — ледяным. Она быстро убрала руку.

— Где папа?

За дверью стало тихо.

— Мам?

Ответа не было. Мирабель оглянулась. Комната родителей выглядела почти так же, как обычно, и от этого становилось ещё страшнее. Кровать была аккуратно застелена. На кресле лежал папин свитер. На тумбочке стоял стакан воды, который мама всегда ставила рядом с кроватью перед сном. Всё было знакомым. Всё было правильным. И всё казалось совершенно чужим.

Мирабель посмотрела на окно. За ним был их двор. Деревья. Забор. Соседский дом. Но деревья больше не были зелёными. Их листья казались розовыми. Мирабель знала, что это невозможно. Она несколько раз спрашивала маму, почему листья стали розовыми. Мама отвечала, что они всегда были зелёными.

Вчера Мирабель даже нашла старую фотографию двора и показала ей. На фотографии листья действительно были зелёными. Но когда девочка снова посмотрела в окно, они опять стали розовыми. Теперь они медленно покачивались на ветру. Хотя дождь за окном уже закончился.

Мирабель почувствовала, как Плюша выскользнула из её рук. Она быстро поймала куклу.

— Прости.

Она поправила Плюше платье.

— Я не брошу тебя.

Кукла, конечно, ничего не ответила. Она никогда не отвечала.

Мирабель снова посмотрела на дверь. За ней кто-то тихо всхлипнул.

— Мам?

На этот раз голос был совсем рядом.

— Открой дверь, солнышко.

Мирабель закрыла глаза. Она хотела открыть. Хотела увидеть маму. Хотела услышать нормальный человеческий голос. Хотела, чтобы всё закончилось. Но вместе с желанием вернуться к привычной жизни внутри неё росло другое чувство. Страх. Не тот страх, который заставляет убегать от темноты или прятаться под одеялом. А такой, который появляется ещё до того, как происходит что-то плохое. Будто тело знает то, чего не знает разум.

Мирабель медленно подняла руку. Пальцы коснулись ручки. Она была покрыта холодной влагой. Девочка посмотрела на ладонь. На коже осталась прозрачная капля. Мирабель вытерла её о пижаму.

— Мы пойдём вместе.

Она посмотрела на Плюшу.

— Хорошо?

Плюша молчала. Мирабель глубоко вдохнула. И повернула ручку. Дверь открылась. Без скрипа. За ней не оказалось ни коридора, ни комнаты. Только темнота.

Мирабель осторожно заглянула внутрь. Она не видела пола. Не видела стен. Не видела потолка. Казалось, за дверью не было ничего. Просто бесконечная чёрная пустота.

Мирабель отступила.

— Нет.

За спиной послышался тихий стук. Девочка обернулась. Дверь спальни родителей была закрыта. Ещё секунду назад она была открыта.

Мирабель подошла к ней и попробовала ручку. Заперто. Она дёрнула сильнее.

— Мама!

Тишина.

— Папа!

Ничего.

Девочка ударила по двери кулаком.

— Откройте!

В ответ из-за двери раздался тихий смех. Мирабель замолчала. Она медленно отступила. Ей больше не хотелось возвращаться. Она посмотрела на чёрную дверь. Потом на ту, которая не открывалась. Выхода не было. Оставалось только одно. Мирабель крепче прижала Плюшу к груди и сделала шаг в темноту.

Первое, что она почувствовала, — холод. Он проник сквозь пижаму и пробрался прямо под кожу. Мирабель сделала ещё один шаг. Под ногой оказалось что-то твёрдое. Камень.

Она осторожно переставила вторую ногу. Теперь она стояла по другую сторону двери. Позади неё всё ещё была темнота.

Мирабель обернулась. Дверь находилась прямо за её спиной. Та же самая. Маленькая. Чёрная. С облупившейся краской. Она выглядела совершенно обычной.

Мирабель потянулась к ручке. Дверь не открылась.

— Пожалуйста...

Она дёрнула сильнее. Ничего.

— Пожалуйста!

Девочка начала стучать.

— Я хочу домой!

Её голос разнёсся по темноте. Но вместо привычного эха она услышала десятки голосов.

— Домой...

— Домой...

— Домой...

Голоса повторяли её слова со всех сторон. Мирабель перестала стучать. Она прижала Плюшу к груди и зажмурилась.

— Это просто сон.

Она сказала это вслух.

— Я сейчас проснусь.

Никто не ответил.

— Я сейчас проснусь.

Она открыла глаза. Ничего не изменилось. Вдалеке появился свет. Сначала совсем маленький. Серый. Он становился ярче с каждым мгновением.

Мирабель осторожно пошла к нему. Под ногами хрустело. Она посмотрела вниз. И остановилась.

Земля была покрыта кусочками пазла. Тысячами разноцветных деталей. Некоторые были целыми. Другие — сломанными. На некоторых виднелись следы укусов. Мирабель присела и подняла один кусочек.

На его обратной стороне было написано:

«Для Эммы. С любовью, мама».

Девочка нахмурилась. Она перевернула деталь. На лицевой стороне был нарисован кусочек голубого неба. Мирабель положила его обратно.

Потом заметила ещё одну надпись. На другом кусочке:

«Я всё ещё здесь».

На третьем:

«Почему ты меня бросила?»

Она медленно подняла голову. Дорога тянулась далеко вперёд. И вся она была выложена из старых пазлов. На каждом кусочке были рисунки. Дом. Собака. Мама. Детская кроватка. Машина. Море. Лица. Тысячи воспоминаний.

Мирабель почувствовала, как по спине пробежал холод.

Она пошла дальше. И тогда увидела город. Сначала ей показалось, что это обычный игрушечный город. Дома были маленькими и разноцветными. Некоторые напоминали кубики, из которых она когда-то строила замки. Другие были сделаны из коробок. Третьи выглядели как кукольные домики. Но чем ближе Мирабель подходила, тем сильнее понимала, что город совсем не игрушечный. Он был огромным. Дома поднимались высоко над её головой. Некоторые окна находились так высоко, что Мирабель не могла разглядеть, что за ними. На крышах росли пластмассовые цветы. Их лепестки медленно двигались. Ветер не дул. Но цветы всё равно качались.

Мирабель остановилась возле одного из них. Лепестки повернулись к ней. Девочка отшатнулась. Она пошла дальше.

Над городом висело фиолетовое небо. На нём не было звёзд. Только огромная белая луна. И Мирабель сразу поняла, почему она кажется ей странной. В центре луны были четыре маленькие дырочки. Как у пуговицы.

Мирабель долго смотрела вверх.

— Это не может быть настоящим.

Плюша молчала. Девочка опустила взгляд.

В одном из окон стояла игрушка. Маленький деревянный мальчик. У него была круглая голова, нарисованные глаза и треснувшая улыбка. Он смотрел на Мирабель. Девочка осторожно помахала ему. Игрушка не ответила. Она просто закрыла занавеску.

Мирабель пошла дальше.

В другом окне стояла фарфоровая девочка. Её лицо было разбито. Трещина проходила от лба до подбородка. Она тоже смотрела на Мирабель. Но не закрыла занавеску. Она медленно подняла палец и приложила его к губам. Мирабель не поняла.

Потом увидела третье окно. Там стоял плюшевый медведь. У него не было одного глаза. Мирабель отвернулась. Ей стало страшно. Но сильнее всего её пугало другое. Все игрушки смотрели именно на неё. Не на город. Не друг на друга. На неё.

Мирабель ускорила шаг.

— Плюша...

Ответа не было. Она посмотрела вниз. Кукла лежала у неё на руках. Неподвижная.

— Плюша?

Мирабель остановилась. Ей показалось, что голова куклы слегка повернулась. Она моргнула. Ничего.

— Я устала, — прошептала девочка.

Она поправила Плюше волосы.

— Мне всё кажется.

Именно тогда за её спиной раздался тихий голос:

— Не кажется.

Мирабель застыла. Она медленно повернулась. На дороге никого не было.

— Кто здесь?

Тишина.

Девочка прижала Плюшу к груди.

— Я сказала, кто здесь?

Из ближайшего переулка донёсся тихий смешок. Мирабель сделала шаг назад. И вдруг почувствовала, как Плюша шевельнулась. На этот раз сомнений не было. Маленькая рука куклы сжала ткань её пижамы. Мирабель перестала дышать. Она посмотрела вниз.

Плюша медленно подняла голову. Чёрные пуговичные глаза смотрели прямо на неё. Потом кукла моргнула. Мирабель вскрикнула и уронила её. Плюша упала на землю.

Несколько секунд она лежала неподвижно. Потом перевернулась на бок. Села. И посмотрела на Мирабель.

Девочка отступила.

— Плюша?..

Кукла поправила своё платье. Потом провела рукой по спутанным рыжим волосам.

— Наконец-то.

Голос был тихим. Детским. Почти обычным.

Мирабель не могла поверить своим глазам.

— Ты говоришь...

— Ага.

— Но ты...

— Кукла?

Мирабель кивнула.

Плюша улыбнулась.

— Я знаю.

— Как ты это делаешь?

Плюша пожала плечами.

— Не знаю.

Она встала.

Мирабель смотрела на неё так, будто перед ней находилось настоящее чудо.

— Ты можешь ходить?

Плюша сделала несколько маленьких шагов.

— Могу.

— И говорить?

— Уже говорю.

— А ты...

Мирабель запнулась.

— Ты настоящая?

Плюша задумалась. Её улыбка исчезла.

— Не знаю.

Она посмотрела на свои ладони.

— Наверное.

Мирабель осторожно подошла.

— Мне страшно.

Плюша подняла голову.

— Мне тоже.

— Но ты же кукла.

— А куклам нельзя бояться?

Мирабель не нашла ответа.

Плюша подошла ближе. Она была совсем маленькой, но теперь казалась Мирабель гораздо больше, чем раньше. Потому что впервые у неё появился собственный голос.

— Я рядом, — сказала Плюша. — Поэтому тебе нечего бояться.

Мирабель опустилась на колени.

— Ты знаешь, где мои родители?

Плюша замолчала. На этот раз чуть дольше.

— Да.

Мирабель почувствовала, как внутри снова появляется надежда.

— Они здесь?

— Где-то здесь.

— Они живы?

Плюша посмотрела на неё.

— Если мы найдём их вовремя.

— Вовремя для чего?

Кукла улыбнулась.

— Для того, чтобы вернуть всё обратно.

Мирабель крепко обняла её. И Плюша впервые сама обняла Мирабель в ответ. Её маленькие руки были тёплыми. Слишком тёплыми для куклы. Мирабель закрыла глаза. Она больше не чувствовала себя одинокой. Она ещё не знала, что именно в этот момент сделала свою первую ошибку. Потому что, когда Мирабель закрыла глаза, Плюша посмотрела через её плечо. И улыбнулась кому-то, стоявшему в окне ближайшего дома. Там находилась старая фарфоровая игрушка. Она смотрела на Плюшу с ужасом. Плюша приложила палец к губам. Фарфоровая игрушка быстро исчезла за занавеской.

— Пойдём, — сказала Плюша.

Мирабель поднялась.

— Куда?

Кукла указала на улицу, уходящую вглубь города.

— Туда.

— Ты уверена?

— Я знаю дорогу.

Мирабель взяла Плюшу на руки. Они двинулись вперёд. А за их спинами окна одно за другим начали закрываться. Город будто знал, что произошло. И город не был этому рад.

В самом конце улицы раздался звон. Один раз. Потом второй. Потом третий.

Плюша остановилась.

— Что это?

— Что?

— Ты слышишь?

Мирабель прислушалась. Тишина.

— Ничего.

Плюша улыбнулась.

— Значит, ещё рано.

— Для чего?

Плюша посмотрела на неё.

— Для того, чтобы тебе всё рассказать.

И они продолжили идти.

Над городом висела огромная белая луна-пуговица. А где-то далеко, за домами из кубиков и улицами из старых пазлов, кто-то медленно открыл глаза. Кто-то, кто уже давно ждал прихода Мирабель.

Глава 2. Город забытых игрушек

Город становился всё тише по мере того, как Мирабель и Плюша уходили от первых домов.

Сначала девочка слышала множество звуков: где-то скрипели заводные механизмы, хлопали маленькие дверцы, шуршали ткани, а из открытых окон доносились приглушённые разговоры. Но постепенно всё это осталось позади. Дома начали встречаться реже, улица сузилась, а вместо ярких кубиков появились старые деревянные постройки.

Мирабель шла медленно, с опаской глядя под ноги. Земля здесь была усеяна обломками детских воспоминаний: маленькие колёсики, перепутанные мотки ниток, оторванные пластмассовые ладони и даже отстранённо смотрящие в небо головы кукол. Некоторые из этих фрагментов валялись прямо на проезжей части, словно их второпях сбросили в дорожную пыль, другие же были сложены в пугающе аккуратные стопки у порогов домов.

— Почему здесь столько сломанных вещей? — голос Мирабель прозвучал слишком громко в этой тягучей тишине.

Плюша, не выпуская её пальца из своей ладони, едва заметно потянула девочку вперёд.

— Сюда приходят те, кого больше никто не хочет, — тихо ответила она.

— Игрушки?

— Только они.

Мирабель остановилась и посмотрела на кукольную руку, лежавшую в канаве. Её фарфоровые пальцы были слегка согнуты, как будто она всё ещё пыталась за что-то ухватиться.

— Как же они находят сюда дорогу?

Плюша пожала плечами, и в этом движении было что-то неестественное, механическое.

— Когда дети окончательно перестают играть с ними, они начинают исчезать из мира живых.

— Куда они исчезают?

— Сначала из памяти. А потом — сюда, — Плюша остановилась возле огромного дерева, под которым, сгорбившись, сидел плюшевый заяц. Его когда-то яркая серая шёрстка свалилась, одно ухо безнадежно повисло, а на месте одного глаза зияла тёмная пустота. Но самым странным было то, как он держал свои лапы — плотно прижатыми к груди, будто защищал невидимое, хрупкое сокровище.

Мирабель присела рядом, ощущая холод, исходящий от земли.

— Привет, — прошептала она.

Заяц молчал. Она осторожно протянула руку, надеясь погладить его, но едва кончики пальцев коснулись мягкой, пыльной ткани, зверёк судорожно вздрогнул. Девочка отпрянула.

— Прости, я не хотела напугать.

С ветки дерева донёсся сухой, хриплый голос:

— Не трогай его.

Мирабель подняла глаза. На ветке сидела птица, сшитая из лоскутков старой, пожелтевшей книги. Её крылья, состоящие из исписанных страниц, слабо дрожали. Один глаз был нарисован карандашом, второй — маленькая, вязкая бусина — смотрел прямо в душу.

— Он кусается, — добавила птица.

— Он? — переспросила Мирабель, глядя на неподвижного зайца.

— Раньше он был живой игрой. Теперь он лишь бесконечное ожидание.

— Чего он ждёт?

Птица лишь наклонила голову. Плюша потянула Мирабель за руку, её пальцы стали холодными.

— Нам пора, Мирабель.

— Но мы не узнали...

— Мирабель, — в голосе Плюша прозвучала такая стальная нотка, что девочка послушно поднялась.

— Почему ты не хочешь разговаривать с ними? — спросила Мирабель.

— Не все здесь добрые.

— А ты добрая?

Плюша посмотрела на неё.

— А ты как думаешь?

Мирабель улыбнулась.

— Конечно.

Плюша тоже улыбнулась.

— Тогда этого достаточно.

Они прошли ещё несколько улиц и оказались возле маленького магазина. Вывеска над дверью гласила:

«ЛАВКА ПОТЕРЯННЫХ ВЕЩЕЙ»

Под названием было написано мелкими буквами:

«Мы храним то, что вы забыли.»

— Можно зайти? — с надеждой спросила Мирабель.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там опасно.

— Но там же просто магазин.

Плюша с тяжёлым вздохом посмотрела на вывеску.

— Здесь самые опасные места часто выглядят самыми обычными.

Прежде чем Мирабель успела возразить, дверь скрипнула, и на пороге появилась старушка. Или, по крайней мере, так показалось сначала. Она была неестественно маленькой, облачённой в длинное, грубо связанное серое платье. Вместо волос — тонкие белые нити, собранные в тугий пучок. Её лицо, гладкое и безупречно фарфоровое, казалось маской, а стеклянные глаза отражали небо, не выражая ни капли человеческого тепла.

— Ты потерялась, дитя? — голос старухи звучал как скрежет фарфора о камень.

— Я ищу родителей, — ответила Мирабель.

Старушка улыбнулась, и эта улыбка не коснулась её пустых глаз.

— Все, кто доходит до этого места, кого-то ищут. Но находят здесь только то, что уже стало чужим.

Она перевела взгляд на Плюшу, и её лицо мгновенно стало жёстким, неживым. Улыбка испарилась.

— А ты... — прошептала старуха. — Ты снова пришла.

Мирабель нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Вы знаете Плюшу?

Старушка медленно посмотрела на неё.

— Нет, — произнесла она слишком быстро, почти не размыкая губ. — Я знаю только тех, кто должен быть здесь.

— А Плюша должна?

Старушка замолчала, и в этой тишине слышалось лишь тиканье часов внутри лавки. Наконец она произнесла:

— Это зависит от того, кто спрашивает.

Плюша резко дёрнула Мирабель назад, заставляя её обернуться и загнать прочь от лавки.

— Нам пора.

Старушка улыбнулась.

— Конечно.

Когда они отошли достаточно далеко, Мирабель спросила:

— Почему она сказала, что ты снова пришла?

— Она ошиблась, — голос Плюша был лишён прежней мягкости.

— Но...

— Люди здесь часто путают игрушки.

Мирабель посмотрела на Плюшу.

— Правда?

— Правда.

Ответ прозвучал слишком уверенно.

Спустя некоторое время они вышли к большой площади, вымощенной неровным камнем. В самом её центре в, вопреки всем законам физики, возвышалась огромная башня. Мирабель видела её силуэт ещё издалека, но вблизи она казалась пугающей. Конструкция выглядела как нелепое нагромождение детских кубиков, обломков деревянных поездов, пожелтевших страниц старых книг, и фрагментов игрушечных домиков, склеенных между собой временем и чем-то невидимым. На вершине этого хаотичного сооружения медленно вращалась ржавая шестерёнка. Каждый её полный оборот отзывался глухим, утробным ударом внутри башни. Тук. Пауза. Тук. Пауза. Казалось, город дышал в такт этому механизму, и Мирабель почувствовала, как внутри у неё всё сжимается от необъяснимой тревоги.

— Что это за место? — прошептала она, не отрывая взгляда от бесконечного вращения шестерни.

— Сердце города, — ответила Плюша.

— Сердце? — переспросила девочка, не веря, что такая холодная конструкция может быть живой.

Плюша едва заметно кивнула.

— Все дороги начинаются там.

— И заканчиваются? — голос Мирабель дрогнул.

Плюша медленно перевела взгляд на вершину башни.

— Некоторые заканчиваются именно здесь.

Мирабель не до конца поняла её слова, но холод, просочившийся в душу, стал осязаемым.

На площади стояли десятки игрушек. Они разговаривали шёпотом. Стоило девочке ступить на камни площади, как шёпот разом оборвался. Десятки глаз — пуговицы, бусины, нарисованные зрачки — уставились на неё. Мирабель почувствовала себя чужой в этом странном мире.

Вот старая куклу-младенца с провалами вместо глаз, застывшая в вечной мольбе. Рядом — заводной солдатик, чья голова была заменена на фарфоровую чашку с трещиной. Выше, на карнизе покосившегося здания, сидел плюшевый кот с шестью лапами; он внимательно следил за каждым движением девочки, словно оценивая, насколько она опасна.

— Почему они молчат? — прошептала Мирабель, стараясь не дрожать.

Плюша равнодушно пожала плечами.

— Они не любят людей.

— Почему? — удивилась девочка.

— Потому что люди обычно их бросают, как только те становятся ненужными.

В сердце Мирабель кольнуло от грусти. Она крепче сжала руку куклы.

— Но я никогда не брошу тебя. Ни за что на свете.

Плюша замерла. Она повернулась к девочке, и в этот момент в её глазах, казалось, мелькнуло что-то человеческое. Прошло несколько секунд, прежде чем она тихо спросила:

— Обещаешь?

— Обещаю, — уверенно ответила Мирабель.

— Навсегда?

— Навсегда.

Плюша чуть улыбнулась, и эта улыбка сделала её лицо почти живым.

— Тогда всё будет хорошо.

Когда они покинули площадь, солнце — если белую луну можно было так назвать — уже начало опускаться. В городе стало темнее, а эта темнота была иного рода. Она не просто скрывала предметы, она казалась густой и осязаемой. Она перетекала с крыши на крышу, словно живое существо, просачивалась под двери и цеплялась за подола одежды. Мирабель прижалась к Плюше, ища тепла.

— Нам нужно найти место, где можно переночевать, — прошептала она.

Плюша кивнула и уверенно повела её в узкий переулок. В тупике стоял маленький, покосившийся домик, собранный из старых картонных коробок, скреплённых верёвками. На двери красовалась надпись:

«ГОСТИНИЦА "У СПЯЩЕГО МИШКИ"»

Мирабель невольно улыбнулась.

— Здесь живут игрушки?

— Да.

— Они пустят нас?

— Тебя — возможно. Они любопытны.

Мирабель посмотрела на неё.

— А тебя?

Плюша улыбнулась, и в её взгляде читалось нечто скрытое.

— Меня они уже знают.

Кукла постучала три раза. Из глубины домика донеслись тяжёлые шаги. Дверь со скрипом отворилась, и на пороге возник огромный плюшевый медведь. Он был невероятно старым, весь в заплатках, шерсть местами вытерлась до дыр. Один глаз отсутствовал, а второй, пришитый криво, смотрел куда-то вбок.

Медведь внимательно посмотрел на девочку, затем на куклу, и в его голосе прозвучало не удивление, а печальное признание:

— Я думал, ты больше не вернёшься.

Мирабель посмотрела на Плюшу, но та хранила молчание.

Медведь отступил в сторону, приглашая их внутрь.

— Входите.

Внутри было на удивление уютно. Стены были увешаны детскими рисунками, на полу лежали мягкие лоскутные ковры, а в углу, в кирпичном очаге, тихо потрескивал огонь неестественного, голубого цвета. Впервые с момента перехода через дверь Мирабель почувствовала себя в безопасности. Она обессиленно опустилась на кровать, набитую сухим сеном и тряпьем.

— Можно я посплю?

— Конечно, — сказала Плюша.

— Ты останешься здесь со мной? — спросила девочка, не разжимая руки куклы.

— Останусь.

— Обещаешь?

Плюша посмотрела на неё.

— Обещаю.

Мирабель закрыла глаза и почти мгновенно погрузилась в глубокий, лишённый сновидений сон. Плюша сидела рядом, неподвижная, как статуя. Медведь, стоявший в дверях, не сводил с неё своего единственного глаза.

— Зачем ты привела её? — спросил он глухо.

Плюша медленно повернула голову.

— Ты же знаешь, зачем.

— Она ребёнок, — напомнил он. — Это место не для неё.

— Я знаю.

— Ты не должна была возвращаться, — прошептал медведь, качая головой. — Ты знала, что дверь закрыта.

Плюша посмотрела на спящую Мирабель, и её черты смягчились.

— Она сама открыла её. У неё не было выбора.

Медведь покачал головой.

— Ты всегда была отдичной лгуньей.

Плюша ничего не ответила. Она продолжала смотреть на Мирабель. На её лице появилась улыбка. Очень тихая. Очень нежная. Почти материнская.

Утро в городе игрушек никогда не наступало внезапно, словно само время здесь было не законом, а лишь послушным механизмом. Сначала мрак становился чуть прозрачнее, затем в зените проступала почти тонкая меня полоса. Она не спеша расплзалась, заливая острые крыши домиков пепельным светом, и лишь когда город тонул в этом блеклом мареве, над горизонтом поднималась луна — огромная пуговица.

Мирабель проснулась от холода. Она замерла, боясь сделать вдох, и пыталась нащупать опору в реальности. Под левой ощущалось что-то мягкое, но странно шершавое — набивка, которая давно потеряла свою форму. Над головой расстилался низкий потолок, с грубо отёсанными деревянными балками, а из-за окна доносился ритмичный, неприятный скрип, похожий на скрежет металла о дерево.

Девочка резко села, и всё вернулось разом — лавина воспоминаний от которой перехватило дыхание. Дом. Мамины руки, папин голос, дверь, темнота, глотающая всё живое, а потом — этот город и Плюша.

Мирабель обернулась и увидела куклу. Плюша сидела на самом краю кровати, свесив крошечные, неподвижные ножки. Её взгляд был направлен в окно.

— Ты... давно не спишь? — спросила Мирабель хриплым после сна голосом.

Плюша медленно повернула голову.

— Давно, — коротко ответила она.

— Ты вообще спала хоть немного?

— Нет.

Мирабель зевнула и потёрла глаза.

— А куклам нужно спать?

Плюша немного подумала.

— Наверное, нет.

— Тогда почему я вчера видела, как ты закрыла глаза?

Кукла улыбнулась.

— Чтобы тебе не было страшно.

Мирабель промолчала, переводя взгляд в окно. Город снаружи, залитый утренним светом, выглядел ещё более жутким, чем в темноте. Это был мир, созданный из обрезков чужих фантазий и забытых детских игр. По улицам двигались фигурки: деревянные солдатики с

отбитыми головами, плюшевые двери с клочьями шерсти, фарфоровые куклы, чьи лица были покрыты трещинами. Они не просто ходили — они совершали бессмысленные, циклические действия, словно заведённые невидимыми ключами.

Внизу, у крыльца гостиницы, плюшевый медведь медленно водил метлой по каменным ступеням. Заметив Мирабель, медведь замер. Несколько секунд они глядели друг на друга. Медведь неуклюже поднял лапу в приветствии, но стоило его взгляду переместиться на Плюша, как улыбка на его морде медленно сползла. Он дёрнулся и принялся мести вдвое быстрее.

— Он меня боится? — спросила Мирабель.

— Нет.

— Тогда почему он так смотрит на тебя?

Кукла подавала плечами.

— Наверное, ему не нравится моё платье.

Мирабель посмотрела на её одежду — простую, знакомую до боли, которую она видела на Плюша с тех пор, как та появилась в их доме.

— Оно красивое, — сказала она тихо.

— Я знаю.

Плюша улыбнулась.

Мирабель спустила ноги с кровати. Холод прошёл её насквозь.

— А где мои родители?

Плюша перестала улыбаться.

— Мы будем их искать.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Мирабель почувствовала облегчение.

Она быстро встала и начала одеваться. Пижама была испачкана пылью и местами порвана. Другой одежды у неё не было, поэтому пришлось оставить всё как есть.

Плюша терпеливо ждала.

Когда Мирабель закончила, она взяла куклу на руки.

— А куда мы пойдём?

— На рынок.

— На рынок?

— Там можно узнать, где сейчас проходят дороги.

— А разве дороги здесь меняются?

Плюша посмотрела на неё.

— Здесь меняется всё.

Мирабель хотела спросить, что это значит, но Плюша уже прыгнула с кровати.

Они вышли в коридор. В гостинице царила тишина — тяжёлая, давящая, как вата. Лишь теперь Мирабель заметила, что стены были расписаны и изрисованы. Вчера она видела лишь общие очертания, но сейчас, при свете утра, детали проступали чётко. На стенах были рисунки: испуганная девочка, кукла, огромная, захлопнуться дверь. Некоторые изображения были перечёркнуты агрессивными чёрными крестами, другие — разобраны в клочья.

Мирабель остановилась, её сердце пропустило удар. На стене, прямо перед ней, было её собственное изображение — девочка с длинными тёмными волосами, стоящая перед дверью, и Плюша, сидящая у её ног. Под этим рисунком была лишь одна надпись:

«НЕ ПУСКАЙ ЕЁ В ГОРОД»

Мирабель коснулась букв кончиками пальцев.

— Плюша... — прошептала она, не смея обернуться.

Кукла взглянула на стену, и на мгновение в её глазах промелькнуло что-то человеческое.

— Не обращай внимания, — сказала она там же спокойным голосом.

— Но здесь нарисована я! Почему они не хотят, чтобы я была здесь?

— Здесь много чего рисуют.

— Почему кто-то написал, чтобы меня не пускали?

Плюша подошла ближе.

— Потому что некоторые игрушки боятся людей.

— Но почему?

— Потому что люди сделали их такими.

Мирабель нахмурилась.

— Я никого не делала, — ответила она, и этот ответ прозвучал как оправдание перед целым городом.

— Я знаю.

Плюша сказала это очень тихо. Потом взяла Мирабель за руку.

— Пойдём.

Они спустились по скрипучей лестнице, где в полумраке их уже поджидал медведь. Он замер у двери, прижимая к груди маленькую, почти игрушечную кружку.

— Ты уходишь? — спросил он.

Мирабель кивнула.

— Мы ищем моих родителей.

Медведь посмотрел на Плюшу. В его глазу читалось сочувствие.

— Конечно.

Плюша ничего не сказала. Она стояла рядом, неподвижная, словно её мысли были заперты где-то глубоко внутри мягкой оболочки.

Медведь присел перед Мирабель, чтобы сравняться с ней ростом. Девочка с ужасом и любопытством разглядывала его морду, изборожденную шрамами-швами, свидетельствующими о долгих годах эксплуатации. Это было лицо, повидавшее слишком многое.

— Если ты хочешь найти своих родителей, тебе нужно запомнить несколько вещей.

Мирабель внимательно слушала.

— Во-первых, никогда не ходи одна. Никогда.

Она посмотрела на Плюшу и быстро кивнула.

— Хорошо.

— Во-вторых, если услышишь своё имя из пустой комнаты, не отвечай. И уж тем более не входи.

— Почему? — спросила девочка, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Потому что не всё, что знает твоё имя, знает тебя настоящую, — ответил медведь.

— А третье?

Медведь посмотрел прямо ей в глаза.

— Если кто-нибудь предложит тебе новую игрушку, не бери её ни при каких обстоятельствах.

Мирабель нахмурилась.

— Почему?

Медведь долго молчал, словно подбирая слова, которые не слишком испугают ребёнка.

— Потому что некоторые игрушки очень хотят, чтобы ими играли, что перестают понимать разницу между игрой и жизнью.

Плюша опустила взгляд, её пальцы нервно сжали край пижамы.

— Мы запомним, — тихо отозвалась кукла.

Медведь кивнул, но его лицо не смягчилось. Он наклонился ещё ближе, его голос стал почти шёпотом:

— И ещё кое-что. Если ночью Плюша попросит тебя открыть дверь — не открывай.

— Почему? — выдохнула Мирабель.

Медведь посмотрел на куклу.

— Потому что ночью она может быть не Плюшей.

Плюша медленно подняла голову.

— Ты всё ещё рассказываешь детям страшилки, старик?

— Только тем детям, которые приходят через двери, — парировал медведь.

Мирабель чувствовала себя лишней в этом странном диалоге. Она не понимала, о чём они говорят, но инстинкт показывал, что это не обычный разговор. Плюша крепко сжала её ладонь.

— Нам пора.

Они вышли наружу. Воздух был пропитан запахом пыли и старой бумаги. Мирабель оглянулась; медведь стоял в проёме, наблюдая за ними своим странным, немигающим взглядом. Он продолжал смотреть даже тогда, когда они свернули за угол, и только потом, когда стало совсем тихо, за ним без единого скрипа захлопнулась дверь.

Дорога к рынку петляла через старый район, где реальность казалась искажённой. Вместо обычных домов здесь высились конструкции: гигантские кукольные кухни, чьи дверцы могли раздавить человека, поломанные кровати размером с загон, кучи кубиков, напоминающие фундаменты разрушенных храмов. Мягкие животные, покинутые и распоротый, лежали вдоль дороги. Мирабель увидела плюшевого слона, из распоротого живота которого вываливались клочья серой ваты, похожие на внутренности.

— Его можно починить? — спросила она, невольно прижимаясь к Плюше.

— Иногда, — ответила кукла, не глядя на игрушку.

— А почему никто не пытается?

— Потому что не все хотят быть починенными. Иногда сломанная вещь хранит в себе ответ на вопрос, зачем её сломали. Память о боли — это единственное, что у них осталось.

Мирабель посмотрела на свою спутницу.

— Ты помнишь?

Кукла остановилась.

— Что?

— Почему ты сломалась?

Плюша посмотрела на свои руки, на аккуратные швы на запястьях.

— Я не сломалась.

— У тебя же порвано платье.

— Это не считается.

— А волосы?

— Их можно расчесать.

— А пятно на щеке?

Плюша прикоснулась к пятну.

— Это давно.

— Откуда оно?

Плюша не ответила. Мирабель решила не спрашивать.

В воздухе разлилась слабая, дребезжащая мелодия. Пи-пи-пи. Пи-пи-пи. Звук напоминал старую музыкальную шкатулку. Чем ближе они подходили, тем навязчивые становилась музыка.

Мирабель остановилась. Она никогда не видела ничего подобного. Площадь была заполнена палатками. На одной продавали стеклянные шарики, внутри которых плавали маленькие глаза. На другой лежали старые плюшевые игрушки. На третьей висели детские рисунки. Некоторые были очень красивыми. На некоторых были изображены дома. На других — семьи. А на одном рисунке была маленькая девочка, стоящая перед дверью.

Мирабель подошла к одному из рисунков. У неё перехватило дыхание. Это была она. В углу мелким почерком было выведено:

«Мирабель. 10 лет.»

Плюша выхватила рисунок и перевернула его. Пусто.

— Плюша...

— Не смотри.

— Почему?

— Потому что тебе будет страшно.

Мирабель уже собиралась возразить, но её слова застряли в горле — из глубины торгового ряда донёсся сухой, древесный смешок.

— Она уже всё видела, — прошелестел голос.

Мирабель медленно повернулась. За прилавком, заваленным непонятными безделушками, сидела кукла. Это была девочка, примерно одного возраста с Мирабель, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что общего у них мало. Её лицо, тщательно выточенное из дерева, хранило следы времени. Одна щека была выкрашена в густой, почти чернильный синий цвет, а другая — в тревожный красный. Чёрные волосы из грубой шерсти казались неестественно жесткими. На кукле было испачканное белое платье, которое некогда выглядело нарядно, но теперь казалось лишь напоминанием о былом изяществе. Кукла улыбнулась, обнажив ровный ряд деревянных зубов.

— Новенькая? — спросила она.

Мирабель невольно кивнула, чувствуя, как невидимый холод касается затылка.

— Я Мирабель.

— Я знаю, — ответила кукла так быстро, словно это имя было вписано в её внутренние механизмы.

— Откуда? — голос девочки дрогнул.

Кукла растянула губы в ещё более широкой, пугающей улыбке.

— Здесь, Мирабель, все знают твоё имя.

Плюша, до этого молчавшая, решительно шагнула вперёд, заслонив собой девочку.

— Нам нужна информация, — отрезала она.

Кукла окинула Плюшу долгим, изучающим взглядом.

— А тебе, куколка, информация не нужна.

— Мне нужна, — повторила Плюша, и в её голосе промелькнули стальные нотки.

— Нет. Ты заблуждаешься.

— Откуда ты можешь знать, что мне нужно?

Деревянная девочка склонила голову набок, издав тихий скрип суставов.

— Потому что ты уже всё знаешь. Ты просто не хочешь это признавать.

Мирабель перевела взгляд с деревянной куклы на Плюшу.

— Что она имеет в виду? О чём она говорит?

— Ни о чём, — сухо ответила Плюша.

Кукла за прилавком звонко рассмеялась.

— Она опять врёт тебе, Мирабель. Лжёт так красиво, что сама почти в это верит.

Плюша резко обернулась. В её глазах на секунду вспыхнул настоящий, обжигающий гнев, который Мирабель раньше никогда не видела. Кукла замолчала, словно испугавшись собственной дерзости. На несколько секунд рынок погрузился в давящую тишину, в которой отчетливо слышалось лишь дыхание самой Мирабель. Наконец, деревянная девочка снова перевела взгляд на гостью.

— Ты ищешь родителей? — голос куклы стал тише.

— Да, — шепнула Мирабель.

— Тогда тебе нужен Портной. Только он может помочь.

— Кто это?

— Тот, кто чинит то, что было сломано. Он знает цену нитям и швам.

— А где его найти?

Деревянная кукла указала узким, резным пальцем в сторону дальнего, погруженного в туман конца рынка.

— В доме без окон.

Мирабель взглядела в серую дымку, но ничего, кроме смутных очертаний лавок, не увидела.

— А где этот дом?

— Когда увидишь — поймёшь. У таких мест нет адреса.

Плюша резко схватила Мирабель за руку и потянула в сторону.

— Пойдём. Нам здесь больше нечего делать.

— Подожди, — крикнула деревянная кукла, подаваясь вперёд. — Я ещё не закончила!

Плюша замерла, но не обернулась.

— Что?

Деревянная девочка пристально посмотрела на Мирабель, игнорируя Плюшу.

— Если Портной спросит, кто ты, не говори ему своё настоящее имя. Никогда.

Мирабель нахмурилась, чувствуя нарастающую тревогу.

— Почему?

Кукла бросила быстрый, полный странного сочувствия взгляд на Плюшу.

— Потому что он может пришить его к чему-нибудь другому. К тому, что уже не принадлежит миру живых.

Мирабель ничего не поняла, но слова отозвались липким страхом внутри. Плюша не дала ей спросить больше — она рывком потянула её прочь, прочь от прилавка, прочь от этого недоброго места.

Они шли долго, пока шум рынка окончательно не стих за спиной. Лишь когда палатки скрылись за поворотом, Мирабель решилась нарушить тишину.

— Почему все тебя знают, Плюша? — спросила она, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— Не знаю, — коротко ответила спутница.

— Почему она сказала, что ты всё знаешь? Что ты от меня скрываешь?

— Она просто хотела тебя напугать. Игры таких существ всегда строятся на страхе.

— А почему ты на неё так разозлилась? Я никогда не видела тебя такой.

Плюша хранила молчание. Её маленькая рука была холодной и твёрдой в ладони девочки.

— Плюша?

— Потому что она груба, Мирабель. Не всё, что говорят чужие, стоит твоего внимания.

Мирабель остановилась, вынуждая спутницу тоже замереть посреди узкой, тесной улицы, где нависающие крыши домов почти смыкались, перекрывая небо.

— Ты мне врешь? — спросила она прямо в глаза кукле.

Плюша застыла. На несколько долгих секунд воцарилась тишина. Затем она медленно улыбнулась — той самой привычной, доброй улыбкой, от которой у Мирабель отлегло от сердца.

— Нет, — сказала Плюша. — Я никогда не буду лгать тебе.

Мирабель очень хотелось поверить. Она сжала руку Плюши крепче, и они продолжили путь. Улица была узкой, а дома вокруг — странными, словно заброшенными, но в них чувствовалось присутствие чего-то незримого. Мирабель вдруг обернулась, повинувшись внезапному порыву. Вдали, у своей палатки, всё ещё стояла деревянная девочка. Она смотрела не на Мирабель, а на Плюшу. Когда их взгляды на долю секунды пересеклись, деревянная кукла медленно поднесла палец к губам.

«Тише».

А затем она исчезла за потемневшей занавеской.

Мирабель, отвернувшись раньше, этого не заметила.

— Плюша, а этот Портной правда сможет помочь мне найти родителей? — спросила она, надеясь на чудо.

Кукла шла рядом, не отпуская её пальца.

— Конечно, — ответила она.

— Ты уверена?

Плюша подняла голову, и в её глазах отразился тусклый свет уличных фонарей.

— Я всегда буду с тобой, Мирабель. Что бы ни случилось.

Девочка улыбнулась, чувствуя себя в безопасности. Они продолжили свой путь, не замечая, что за одним из окон в доме рядом чья-то бледная рука медленно отодвинула тяжёлую занавеску. Кто-то пристально следил за ними, не сводя глаз с их удаляющихся спин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.